ПОЧЕТНЫЙ
АКАДЕМИК
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ

ПСИХОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

РУ
201
ПСИ

ПЕТРОГРАД
1922.

ПРОВ. 10

ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ

ПСИХОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВРЕМЯ“
ПЕТЕРБУРГ
1922

606
40

Р. Ц. № 1831. 4.000 экз.

Военная Типография Шт. Р.-К. К. А., пл. Урицкого, 10.

I

Состав национальной психики

Факт существования национальных отличий не подлежит сомнению, как и то, что эти отличия принадлежат исключительно к области явлений психических. Другое дело—вопрос о том, к какому именно порядку психических явлений относится национальный уклад личности, из каких элементов слагается он, и подлежит-ли он оценке с точки зрения понятий о хорошем и дурном, о добре и зле. Тщетно будем искать в исследованиях по психологии национальности точного определения понятия национальности и раскрытия его существенных признаков. Зато найдем довольно тщательные и даже детальные описания национальной психики разных народов.

К сожалению, из этих описаний явствует, во первых, то, что их авторы не знают что такое национальность, как совокупность определенных психических признаков, и часто смешивают понятие национальности с понятием расы, и, во-вторых, еще то, что национальному укладу разных народов они сплошь и рядом

приписывают такие черты, которые, при ближайшем рассмотрении, оказываются вовсе не национальными, а, например, классовыми или сословными.

Я позволю себе предложить свою теорию психологии национального уклада и начну с попытки точнее определить, к какому именно порядку душевных явлений он должен быть отнесен.

Если в этом вопросе есть что-либо бесспорное, так это только то положение, что в состав национальной психики, прежде всего и по преимуществу, входят черты умственного (интеллектуального) порядка. Это бросается в глаза,— и когда речь идет о национальном укладе того или другого народа, мы, прежде всего, обращаем внимание на психологию его мышления и умственного творчества и стараемся себе уяснить его особенности по произведениям мыслителей, ученых и поэтов. Это совершенно правильно, но только не следует забывать, что национальных отличий мысли нужно искать не в ее содержании, не в положительных результатах умственного творчества, а исключительно в психологии процессов мысли, не в логике, не в методах и приемах, а в психологической „подоплеке" логики, методов и приемов. Но беда в том, что эту „подоплеку" чрезвычайно трудно уловить и формулировать: она не поддается точному определению, протокольному описанию („по пунктам") и требует тонкого психологического анализа, в своем роде „микроскопического". Последнее удается преимущественно художни-

кам слова, которые располагают всею роскошью красок речи и образных приемов творчества. Они умеют воспроизводить национальные типы, и эти художественные образы являются необходимым материалом, по которому мы имеем возможность изучать психологию национальных укладов,—на ряду с тем, какой доставляет нам сама жизнь в лице выдающихся представителей так называемого „национального гения".

В мою задачу не входит характеристика национальных укладов,—я укажу мимоходом лишь на некоторые черты, которые служат отличительною принадлежностью того или другого народа. Гораздо важнее для меня—дать более точную формулу общепринятого положения, гласящего, что в составе национальной психики на первый план выступают особенности интеллектуального порядка, что национальные отличия суть по преимуществу отличия в психологии мышления и умственного творчества.

В поисках такой формулы, я пришел к следующим положениям, правильность которых едва-ли подлежит сомнению.

1) Ребенок до усвоения языка не имеет национальных психологических признаков,—он „интернационален"; с усвоением родного языка и с возрастом он постепенно усваивает национальные признаки окружающей среды; в меру его умственного развития начинают проявляться в его мышлении черты национального психического уклада.

2) Яркость и сила этих черт прямо пропорциональны высоте умственного развития и степени интеллектуальной одаренности человека.

3) С наибольшею яркостью и силою национальный уклад проявляется в мышлении и творчестве великих умов,—лиц, одаренных выдающимися интеллектуальными талантами,—мыслителей, ученых, поэтов, писателей. Гений всегда в психологическом смысле глубоконационален.

4) Субъекты, стоящие, в умственном отношении, ниже среднего уровня, а тем более слабоумные и идиоты лишены национальных признаков.

Подведя этим положениям итог, я получаю формулу, гласящую так: национальность есть явление по преимуществу интеллектуального порядка. Иначе говоря, национальный психический уклад личности растет и выявляется вместе с ее умственным развитием,—и та среда, которая занята умственным трудом, т. е. интеллигенция, ярче и полнее других слоев, выражает характерную национальную „подоплеку“ народа.

Но эта формула недостаточна: она оставляет без ответа вопрос о том, не входят ли в состав национальной психики, кроме интеллектуальных черт, еще и другие, например, те, которые относятся к сфере чувства, или к области воли, или, наконец, различные качества (положительные и отрицательные), добродетели и пороки и т. п.

Вопрос сложен,—его приходится расчленить, по крайней мере, на три вопроса.

В первую очередь поставлю такой: заметно ли в составе национальной психики участие волевых элементов? Утвердительный ответ подсказывается наблюдениями над так называемым „национальным характером" того или другого народа. Под этим „характером" разумеют известный уклад воли. Давно отмечено, что с этой стороны есть заметная разница между различными народами. И только недостаточно выяснен вопрос о том, чему собственно следует приписать эту разницу: уровню-ли культурного развития, влиянию-ли исторических условий, или, наконец, национальности, как таковой? Я думаю,—нельзя отрицать влияния культурного развития и исторических условий на уклад воли; но раз последний под этими влияниями сложился и приобрел известную устойчивость, он становится принадлежностью национальной психики, приобретая у каждого народа особую психологическую постановку. Разнообразие „национальных характеров" (т. е. уклада воли) не только чувствуется, но и наглядно проявляется в развитии общественной жизни, в политической и социальной борьбе, в учреждениях, в самой истории каждого культурного народа. Различие „национальных характеров", например, французов, с одной стороны, немцев, с другой, англичан, с третьей, бросается в глаза. Как все национальное, у отдельных личностей национальный уклад воли проявляется с различною степенью яркости.

Наибольшей полноты выражения он достигает у выдающихся общественных и политических деятелей, у государственных людей, лидеров партий. И с этой стороны, например, Гладстон типичен для англичан в той же мере, как Бисмарк—для немцев, Гамбетта—для французов, Гарибальди—для итальянцев и т. д.

С психологической стороны, в укладе воли и, следовательно, в развитии характеров, на этом начале основанных, можно различать два основных типа с их разновидностями: пассивный, в котором задерживающая воля преобладает над действующей, и активный, где вторая берет перевес над первой. Разновидности волевых типов определяются, во-первых, относительною силою или слабостью той и другой и, во вторых, психологическими осложнениями волевых процессов. В пассивном типе различается разновидность, в которой ни задерживающая, ни действующая воля не отличаются более или менее значительной силой и, в придачу, еще осложняются психологическим элементом, подводимым под понятие волевой лени и волевого фатализма. Это—наш русский — обломовский — национальный уклад воли. В активном типе выдвигается разновидность, где обе воли одинаково крепки и сильны, но где, при этом, действующая воля осложняется психологическим элементом „спорта". Это — английский национальный волевой уклад. Другая разновидность активного типа характеризуется силою и некоторою импульсивностью действующей воли, при некоторой— относительной — слабости задерживающей и

также участием в психологии первой особого психического элемента, который я назвал бы психическим „героизмом" воли. Это—французский национальный волевой уклад. Немецкий волевой уклад я склонен отнести к пассивному типу. Но он представляет собою разновидность, противоположную русской: в нем обе воли одинаково сильны и упорны, в психологии той и другой нет элементов ни лени, ни фатализма, и оне, уравновешивая друг друга, ярко характеризуются отпечатком психологической „дисциплины".

Надо оговорить, что на практике, т. е. в живом проявлении и действии волевого уклада, его национальный пошиб, в зависимости от разных причин и влияний, в большинстве случаев проявляется не в своем чистом, подлинном виде, а как бы затушевывается, или заслоняется чертами, не принадлежащими к его психологическому составу. Укажу, например, на всегда неизбежное влияние темперамента, — фактора, который к национальной психологии никакого отношения не имеет, являясь психологическою принадлежностью отдельных личностей и проявляясь, смотря по человеку, в весьма разнообразных формах.

Перехожу к второму вопросу: входят ли в состав национальной психики какие либо элементы из сферы чувства? Существует ли национальный уклад чувства, рядом с национальным укладом мысли и воли?

Возьмем сперва простейшие чувства, принадлежащие к порядку психо-физических и так

называемых соматических (телесных) процессов психики, каково чувство физической боли, голода, жажды, здоровья, нездоровья, половое и т. д. Совершенно очевидно, что этот разряд чувств никакого отношения к национальной психологии иметь не может. Переходя к чувствам более сложным, в которых элементы психологические или соматические, не исчезая, отступают на второй план, а на первый выдвигается чисто психическая сторона чувства, мы придем к тому же заключению: радость, горе, злоба, страх, гнев, жадность, любовь, ненависть и т. д. и т. д. никакого отношения к национальной психологии не имеют. Как не существует национально-русских, немецких, французских и т. д. чувств физической боли, голода, жажды и т. д., так не существует и национально-русских, немецких, французских чувств радости, горести, гнева, страха и т. д. Идя дальше в этом направлении—от самоочевидного и бесспорного к неочевидному и спорному, мы приходим к вопросу: не найдется ли, однако, каких нибудь чувств, которые могут входить в состав того или другого национального уклада? Не замечается ли, например, в немецкой национальной психологии присутствия чувства долга? Не характеризуется ли английская национальная психика особым чувством национальной гордости, а русская—чувством национального смирения? При желании и достаточной силе воображения, можно было бы такими „изысканиями" обогатить науку психологии целым рядом несуществующих чувств...

Чувство долга найдется не только у немцев, но и у французов, англичан, итальянцев и т. д., и даже—в скромных размерах—у нас, русских. Но никакого отношения к национальной психологии оно не имеет:—оно принадлежит к области культурного, интеллектуального и морального развития, и у цивилизованных народов, совершенно независимо от их национальных укладов, является нормальной отличительной чертой порядочного человека. Это черта не национальная, а общечеловеческая.— Столь же общечеловечно и чувство гордости, направленной на уклад национальной психики: не только англичанин, но и француз, и немец, и итальянец, и русский способен реагировать чувством гордости на представление, или идею своей национальности, как может реагировать тем же чувством на многое другое, например, на идею государственной мощи, на успехи промышленности и торговли, на завоевания науки, на создания искусства и т. д. Национальность может служить предметом гордости и других чувств, например, смирения, тщеславия, радости, очарования, разочарования, но ни одно из этих чувств не входит в состав самой психологии национального уклада. Мы здесь опять в области общечеловеческого, слишком человеческого, а не национального, как такового.

Выражения „национальное чувство", „национальная гордость", „национальная честь" и т. п. весьма коварны. Чтобы не впасть в ошибку, нужно быть настороже и помнить, что они—того же грамматического порядка, как и выражения в роде „книжный

шкап", „лошадиный знаток", „гастрономический магазин" и пр., которые значат: „шкап для книг" (а не сделанный из книги), „знаток лошадей" (а не сам лошадь), „магазин гастрономических продуктов" (а не сооруженный из оных). Так и „национальное чувство" есть „чувство своей национальности", а вовсе не какое то особое, из национальных элементов души слагающееся чувство; я могу чувствовать свою национальность, как могу чувствовать, например, свое тело, свое здоровье и все, что угодно. „Национальная гордость" значит чувство гордости, объектом которого служит национальность; человек может гордиться ею, как может гордиться, например, богатством, знатностью, общественным положением, заслугами и т. д. Во всех этих и подобных случаях мы должны различать, с одной стороны, чувство, а с другой—его объект и не поддаваться возможному искушению переносить первое в сферу второго. Национальность может служить объектом разных чувств, но специфических национальных чувств не существует.

Это подтверждается следующим контрастом, который обнаруживается между природою мысли и природою чувства.

В элементарных процессах мысли национальная окраска их психологии проявляется слабо,—она начинает яснее и живее обнаруживаться по мере восхождения с низших ступеней на высшие и выявляется полностью в интеллектуальном творчестве талантов и гениев. Так вот, в противоположность этому, в сфере чувства тщетно будем мы искать каких либо про-

явлений национальной психики, как на низших ступенях, так и на высших. С переходом от слабого, неяркого чувства к более или менее сильной эмоции, а оттуда к аффекту, страсти, национальные черты психики все более стушевываются, и человек, переживая могучий аффект, или всепоглощающую страсть, теряет добрую долю своей национальной личности, превращается в субъекта национально-обезличенного: в припадке гнева, страха, ярости, любви, злобы все национальное в человеке исчезает,—перед нами картина бури чувства, для всех людей одинаковая, сметающая не только грани национальных отличий, но в большинстве случаев и все оплоты разума, культурной выдержки и воспитанности и парализующая волю, как задерживающую, так и действующую. В припадке душевного урагана человек не в состоянии ни мыслить, ни управлять собою, ни разумно действовать. Вместе с разумом и волей исчезают—в этот миг—и все психологические национальные отличия мысли и воли. Человек в состоянии аффекта и страсти—безнационален.

Отсюда, между прочим, вненациональный, общечеловеческий характер художественных образов, воспроизводяших психологию страстей, каковы, в особенности, Шекспировские типы—Макбет, Отелло и др., а также тех, главный интерес которых сводится к изображению душевной драмы, борьбы чувств, бури аффектов и т. п. (Гамлет и др.).

Наш третий вопрос гласит: существуют ли в составе национальной психики какие либо

элементы, подлежащие положительной или отрицательной оценке с точки зрения хорошего и дурного, добродетели и порока?

На этот вопрос я отвечаю решительным отрицанием. Но при этом я не забываю, что, как все психическое, национальность имеет или может иметь свою патологию: существуют болезни национальной психики, в силу которых ее отдельные черты получают анормальное, уродливое выражение. Если это случилось,— психологическая (вернее, психопатологическая) оценка национальной психики становится не только возможной, но и необходимой.

Оставляя пока в стороне эти недуги и уродства и имея в виду национальную психику в ее нормальном виде, в ее здравом состоянии, я утверждаю, что в ее составе не найдется ничего подлежащего положительной или отрицательной оценке. Национальные черты—не качества, а свойства, во всех отношениях безразличные, т. е. такие, к которым нельзя прилагать мерку „хорошего" и „дурного", „полезного" и „вредного", „красивого" и „некрасивого".

Я знаю, что это противоречит ходячим, традиционным представлениям и шаблонным суждениям о различных национальностях. Рассмотрим важнейшие из таких представлений и суждений: мы убедимся, что они неправильны и основаны на недоразумениях и предвзятых мнениях.

Немецкой национальности принято приписывать такие качества, как честность, аккуратность, методичность, трудолю-

бие, педантизм. Не трудно видеть, что все это – черты не национальные, а общечеловеческие, и они найдутся у всех народов, достигших известной высоты культурного развития. Кто живал во Франции, знает, до какой степени аккуратны, трудолюбивы и порою педантичны французы. Известно, что в Италии в отношении этих качеств замечается существенная разница между населением северной Италии и населением южной: при единстве национальности, последнее в противоположность первому отличается слабой работоспособностью, ленью, беспечностью. У всех народов, с переходом на высшую ступень культуры, от экстенсивного труда к интенсивному (на всех поприщах), вырабатываются навыки аккуратности, методичности, работоспособности и— житейской, деловой честности. Индивидуумы неработоспособные, ленивые, неустойчивые в борьбе за существование, опускаются „на дно", превращаются в „социальные отбросы". Этот отбор совершается повсюду в цивилизованном мире, выражаясь приблизительно в одинаковых формах, видоизменяясь лишь в размерах и в степени,—и никакого отношения к национальной психологии это социальное явление не имеет.

Английской национальности принято приписывать эгоизм и холодность, французской—легкомыслие и какую то особую эмоциональность. Не трудно видеть, что все это—черты не национальные, а общечеловеческие, выражающиеся повсюду. Нет такой статистики, которая показала-бы, где больше

эгоистов и людей „душевно-холодных", во Франции или в Англии; легкомыслие—черта индивидуальная, человеческая слабость, которую можно встретить везде, и, например, в России легкомысленных людей, по всей вероятности, не меньше, чем во Франции. Нельзя черты индивидуального характера и темперамента, как легкомыслие, эмоциональность, холодность, запальчивость, раздражительность и т. п., приписывать группам, всему населению, нации. Во всяком слое, во всяком общественном кругу найдутся субъекты легкомысленные и нелегкомысленные, пылкие и холодные, страстные и бесстрастные, благоразумные и безрассудные—до безконечности,—и все это не может служить признаком психологии группы, слоя, класса, а тем более—психологии национальности.

Но есть другого рода черты, в которых мы, присмотревшись ближе, можем усмотреть более или менее характерный признак той или другой социальной группы, классовой, сословной, профессиональной или иной. Экономические, бытовые и, наконец, исторические условия, влияющие на жизнь и психику данной группы, производят в ней подбор подходящих личностей с их индивидуальными чертами, которые из спорадических превращаются в общераспространенные (в группах), и становятся характерной принадлежностью группы. Таково, например, в нашем старом дворянстве чувство сословной чести, в военной среде—чувство долга, дисциплина, честь мундира, храбрость и т. д., в среде ростовщиков—корыстолюбие и скупость, в педагогическом мире—профессиональные достоинства и

недостатки данной профессии, развивающиеся в ее практике (с одной стороны, любовь к делу и питомцам, педагогические дарования, с другой—мелкая раздражительность и неудачная борьба с непослушанием и ленью учеников, далее гуманность и негуманность, педантизм, культ отметки и т. д.); бюрократия имеет свои достаточно прославленные и ославленные качества, в ряду которых отметим честолюбие, тщеславие, чинопочитание, мелкое соперничество, интригатство; крестьянство характеризуется чертами, вытекающими из психологии „власти земли"; старой аристократии—повсюду была свойственна родовая гордость, политические притязания и претензии, „дух будирования", презрение к другим слоям населения; высшая буржуазия характеризуется своими „буржуазными" психологическими признаками разного рода, положительными и отрицательными, например, деловитостью, житейской добропорядочностью, подражательным, показным „аристократизмом", культом денег, тщеславием и пр. При кастовом строе групповые признаки, добродетели, пороки закрепляются воспитанием и наследственностью и приобретают исключительную стойкость.

Все это, разумеется, подлежит оценке с точки зрения психологической, моральной, интересов целого, гуманности и т. д. Но, вместе с тем, все это, при нормальном развитии национальной психики, никакого отношения к ней не имеет. В ее состав черты этого рода не входят.

Национальная психика не есть сумма классовых, сословных, профессиональных и всяких

иных групповых признаков. Так, например, русская национальная психика не слагается, ведь, из дворянской чести, крестьянской „власти земли", купеческой оборотливости, офицерской „чести мундира", солдатской выправки, бюрократического чинопочитания и т. д. до безконечности. Национальная психика стоит вне и выше всех этих социальных черт, навыков, достоинств и недостатков. Она сверхсоциальна и слагается из черт нравственно безразличных. И когда ту или другую классовую, сословную и т. д. черту приписывают национальности, то выходит грубая ошибка. Таковою является, например, мнение, что польская национальная психика характеризуется „рыцарством" и „гонором", что совершенно невозможно, ибо это черты не национальные, а только сословные—шляхетские. Польский крестьянин и мещанин, купец, учитель, литератор и др. этой чертою не характеризуются, что не мешает им обладать польской национальной психикой.

Итак, наш вывод сводится к следующему: черты социального происхождения, качества, достоинства, недостатки, добродетели, пороки, которыми характеризуются классы, сословия, профессиональные группы, не входят в состав национальной психики,—и эта последняя, в ее здравом состоянии и при нормальном развитии, есть психическая внегрупповая, сверхсоциальная формация, не подлежащая оценке с точки зрения понятий о хорошем и дурном, о полезном и вредном, о добре и зле.

Оттуда другой вывод: все национальные психики равноценны и психологически равно-

правны, ни одной из них нельзя отдать преимущества перед другой,—нет хороших и дурных национальностей, нет добрых и злых, нет полезных и вредных, нет „симпатичных“ и „несимпатичных“.

Подводя итог всему изложенному в этой главе, мы скажем так: национальная психика слагается из элементов интеллектуального и волевого порядка, которые сводятся к психологии приемов мышления и способов проявления задерживающей и действующей воли; элементы чувства в состав национальной психики не входят, а равно и нет в ней, при норме, никаких черт социального происхождения, подлежащих оценке с моральной или какой либо другой точки зрения.

II

Национальность и подсознательные процессы психики

Если национальные признаки скрываются в психологии мышления и действования, то это значит, что их не следует искать в содержании идей, в результатах мышления и в целях волевых актов. И в самом деле, давно известна и прочно установлена та истина, что понятия, идеи, образы, т. е. результаты процессов умственного творчества (научного, философского, художественного, публицистического и т. д.), равно и цели и результаты волевых усилий—общечеловечны, сверхнациональны, что они не составляют исключительного достояния, или как бы монополии той или другой национальности, а являются достоянием всего человечества—всех культурных народов. Отсюда—сравнительная легкость перехода этих завоеваний мысли и воли от одного народа к другому,—распространение по всему цивилизованному миру научных открытий, художественных произведений, философских систем, политических идей и т. д.—И потому, когда, по старой памяти, например, философским системам, научным напра-

влениям и идеям, художественным школам приписывают ту или другую национальность („немецкая идеалистическая философия", „французский позитивизм", „русский реализм в искусстве", „немецкий романтизм" и т. д.), то забывают, что те же самые системы идей, направления, школы найдутся если не у всех, то у многих наций (у немцев—эмпиризм и позитивизм, у англичан и французов—идеализм, у русских—романтизм), что все эти продукты мысли и творчества, взятые, как нечто готовое, как содержание и метод, ничего национального в себе не заключают, как нет ничего национального в „Пифагоровой теореме", в дифференциальном исчислении, в логическом законе тождества, в законе сохранения и превращения энергии и т. д. Выражения „немецкая идеалистическая философия", „английский дарвинизм", „французский позитивизм", „русский художественный реализм" должны быть понимаемы не в национальном, а в географическом смысле: идеалистическая философия в Германии, Дарвинова теория в Англии, позитивизм во Франции, художественный реализм в России.

Отпечаток национальной психики может быть усмотрен в научных идеях, философских системах, художественных образах, в публицистике, политике и т. д. только в тех не часто встречающихся случаях, когда в готовый продукт мысли или в способ волевого проявления проникло нечто и оставило след на их скрытой интимной психологии. Такие случаи являются исключением из общего правила, нарушением нормы.

А правило, или норма состоит в том, что национальная психологическая подоплека мышления и действования проявляется не в сознании, а в так называемой „бессознательной сфере психики". Когда мы думаем о чем нибудь, мыслим, рассуждаем, усилия ума направляются на содержание, на то, о чем мы думаем и рассуждаем, а также, в иных случаях, и на методы рассуждения — на логический ход мысли. Но психология мышления протекает бессознательно. Эта бессознательность—явление того же порядка, к которому принадлежит автоматичность игры на музыкальном инструменте, танцев, ходьбы, процедуры чтения и письма и т. д. Внимание сосредоточено на том, что играют, что танцуют, куда идут, что читают и пишут, а психологические процессы, лежащие в основе этих действий, протекающие в глубине психики, в сознание не проникают. Если бы было иначе, пьянист и танцор сбивались бы с такта, человек, который идет по делу, забыл бы куда и зачем он идет, читающий ничего бы не понял, пишущий написал бы галиматью. Сфера сознания узка, внимание требует сосредоточения, и всякие внушения из глубины подсознательного только загромоздят поле сознания и рассеят внимание.

В процессе мышления происходит непрерывный обмен продуктов между сферой сознания и сферой подсознательной. Представление или понятие, которое я сейчас держу в сознании, через секунду станет бессознательным, а на его место появится другое, вынырнувшее из глубины; в свою очередь исчезнет и оно, чтобы

уступить поле внимания третьему. Все они относятся к области содержания мысли, или, когда нужно, к ее логике, ее методу, но уж, конечно, не к ее психологии. Представления, понятия, образы, идеи, составляющие содержание мысли, и их сочетания, т. е. суждения, совершающиеся по нормам логики,—сознательны. Напротив, психологические ассоциации представлений, понятий, образов, идей,—бессознательны, и вот тут-то и проявляется, в связи с функциями речи (всегда бессознательными), национальная окраска психологии мысли. В национальном языке, в его звуковой форме, словаре и грамматическом строе выражается национальная психология мышления, и только „по прямому проводу" языка мы имеем возможность проникнуть в ее тайники. Если хотите почувствовать своеобразную психику данной национальности,—изучайте язык ее, как в его повседневной функции („живую речь"), так и в его литературном выражении. Другого способа нет.

Одно и то же содержание мысли различными языками выражается различно. Истина для всего человечества—одна, но пути, к ней ведущие, у разных народов различны. Этими путями и являются языки с воплощенною в них национальною психологиею умственных процессов.

Огромное большинство элементов речи действует в бессознательной сфере: она функционирует автоматически, непроизвольно. Когда мы говорим и думаем, слова с их сочетаниями и грамматическими формами сами собой подымаются из глубины и снова туда опускаются в то время, как наше внимание целиком сосре-

доточено на содержании и цели речи-мысли. И мы, потому, и не замечаем ее национального колорита, как не замечаем механизма двигательных нервов, мускулов и мышц в актах, функциях ручной привычной работы, ходьбы, жестикуляции и т. д.

Бессознательность, или что то-же, автоматичность национального („своего", „родного") языка и неразрывно связанной с ним национальной психики есть факт первостепенного значения: им определяется природа национальности и ее роль, ее призвание в общей экономии человеческой жизни и деятельности,— из него же мы выводим и принципы разумной национальной политики.

Все, что функционирует в бессознательной сфере, не тратит, а сберегает энергию. Область нашего психофизического и психического автоматизма является аккумулятором энергии. Следовательно, язык и национальность, поскольку они функционируют бессознательно, автоматически, должны быть понимаемы, прежде всего, как особая форма накопления и сбережения психической энергии народов. Отсюда вывод: народы здравы и живы несознаваемым здравием и автоматической жизнью своей национальной психики.

Это приводит к практическому постулату национальной политики, гласящему так: национальная психика должна быть всячески ограждаема от каких бы то ни было воздействий, могущих нарушить ее бессознательность, ее автоматичность.

III

Принципы национальной политики и национальные языки

Если бы национальная психика не была так неразрывно, так интимно-тесно связана с языком, то она, функционируя в бессознательной сфере, скрываясь в глубине души, оставалась бы недоступною всяким воздействиям со стороны. Но язык, ее орган и выражение, проявляясь во вне, выходя за пределы личности, открывает, если можно так выразиться, „фронт национальной психики". Различные силы, благожелательные и враждебные, действуя на язык, влияют тем самым на национальную психику. Поэтому основная задача национальной политики сводится к вопросу о языке.

Для правильной постановки этой задачи, необходимо сперва уяснить себе понятие языка, как органа национальной психики.

Это, во-первых, тот язык, который принято называть „родным". Название—неточное, неопределенное. Еще более неточно немецкое название—„Muttersprache" („материнский язык"). Правильным определением следует признать

такое: это—язык той среды, в которой человек вырос,—язык, усвоенный человеком с детства и ставший необходимым органом его повседневной и его высшей мысли; это язык интимных переживаний, на котором человек говорит с самим собою, с своей совестью—язык его мечтаний и сновидений,—язык, словарь и формы которого служат для человека незаменимым органом его мышления: его мысль, орудуя этим словарем и этими формами, оказывается логичнее, свободнее, глубже, шире, чем в тех случаях, когда человеку приходится орудовать словарем и формами другого языка. Одним словом, это язык, с которым человек сроднился и свыкся до такой степени, что, как в функциях своей обыденной речи, так и в операциях своей высшей мысли, он обойтись без него не может. Фактически по общему правилу, это именно язык семьи и родины. Но весьма нередки и достаточно известны случаи, когда в роли „родного языка" является не „свой", а чужой язык, или же он равномерно распределяется между двумя языками. Возьмем такой случай: ребенок родился в России, от русских родителей, но двух или трех лет от роду был перевезен во Францию, где и вырос во французской семье; „родным" языком будет для него не русский, а французский: он будет не только говорить по-французски, как француз, но и думать по-французски; русский язык станет для него чужим и чуждым. Другой случай: человек по обстоятельствам своей жизни, с детства усвоил два языка, на которых он одинаково хорошо говорит и на котором ему

одинаково легко и правильно думать, мечтать, рассуждать, мыслить: у него два „родных" языка.

„Родным" (в указанном смысле) языком определяется и национальность человека: ибо именно этим, а не каким-либо другим языком устанавливается связь человека с национальной средой, т. е. с другими людьми, для него же язык является „своим", „родным". Фактически, по общему правилу, родной язык связывает человека с его родиной, с его отечеством. Но возможны и нередко встречаются случаи, когда эта связь нарушается и заменяется другою: человек, родившийся в России, от русских родителей, но выросший и воспитавшийся во Франции, утратил „лингвистическую" связь с отечеством,—он может оказаться русским подданным и даже быть русским патриотом, но по языку и по национальности он—француз. Бывают и другие случаи: человек в совершенстве владеет двумя языками, которые для него—одинаково „свои", „родные",—такой человек является обладателем двух национальных укладов,—и он психологически сложнее других,—у него не одна национальная душа, а две. И это вовсе не „уродство". Это, скорее, обогащение психики. По мнению покойного А. А. Потебни, такое совмещение двух языков (а следовательно и двух национальных душ) препятствует человеку, одаренному творческим талантом, например, поэтическим, развить свое чувство во всю ширь: одна душа „мешает" другой. Потебня проводил эту мысль на примере Тютчева,

для которого французский язык, повидимому, был, в некотором отношении, более „родным", чем русский. Но мне кажется, в данном случае малая (сравнительно) продуктивность Тютчева легче объясняется его индивидуальными особенностями, а может быть также особенностями его дарования, исключительно лирического. И в противовес Тютчеву я приведу другой более яркий пример—Пушкина, для которого, несомненно, французский язык был „интимно своим", родным не меньше русского. Можно вспомнить также Тургенева. Вопреки А. А. Потебне, я думаю, что двуязычие не мешает творчеству, по крайней мере на одном из двух языков, выбор которого зависит 1) от степени интенсивности психологического тяготения поэта к той или к другой национальности и 2) от условий и обстоятельств личной его жизни.

Анализ понятия „родного языка" незаметно привел нас к задаче—выяснить другую, весьма важную сторону вопроса о языке в его отношениях к национальности, лишь мимоходом затронутую выше. Язык, сказали мы, устанавливает связь человека с национальной средой. Вот именно теперь и предстоит нам раскрыть психологическую природу этой связи.

До сих пор речь шла о „родном" языке, как органе индивидуальной мысли. Но он, в то-же время, и орган общения личности с личностью и со средой. Эта его роль важна не меньше первой. Дело идет, конечно, не о таком общении, которое с большим или меньшим успехом может осуществляться средствами какого-нибудь ломаного или условного языка, например

канцелярского, или воляпюка, или даже языка жестов. Дело идет о глубоком, интимном, проникновенном общении человеческих душ, при котором человек угадывает человека по намеку, с полуслова, понимает не только слова, но и то, что скрыто за словами; дело идет о речи, способной раскрыть тайники души, могущей заявить и передать другому интимную сторону мысли и—путем мысли—установить психический провод от одного человеческого „я" к другому, к третьему, десятому и т. д. так, чтобы образовалась паутина связей личности с национальной средой. Здесь предполагается взаимное понимание оттенков языка, восприятие его красок, уловление его музыки. На этой почве устанавливается национальное общение душ. И „родной", „свой" язык обнаруживается в роли „обычного языка", т. е. органа взаимного понимания.

В этом смысле он и является орудием национального тяготения личности.

Национальное тяготение не может быть навязано личности. Оно не возникает по приказу. Равным образом нельзя ни воспретить, ни отменить его. Оно неотъемлемое достояние и непререкаемое право личности.

Отсюда принцип свободы национального самоопределения личности. Этот принцип логически требует признания и ограждения свободы всех национальных языков.

Это значит, что право личности пользоваться языком, который она считает своим национальным, должно быть признано и ограждено в том смысле, чтобы личность, с этой стороны, не

встречала никаких препятствий для свободного проявления своей национальной тяги. Практическое значение это требование имеет только в тех странах, население которых раскалывается между двумя или несколькими национальностями, где существует соперничество языков и где на этой почве нормальное развитие национальной психики нарушается болезнями национализма.

Понятие национального языка, по недоразумению, обыкновенно отожествляют с понятием языка государственного. Я склонен, наоборот,—противупоставлять эти понятия. Из вышеприведенной характеристики национального языка явствует, что, призвание его вовсе не в том, чтобы служить языком деловых бумаг, прошений, канцелярских отписок и судоговорения. Для этих функций нужен другой язык, так сказать, деловой, технический — род жаргона. В странах одноязычных язык национальный является вместе с тем и государственным,—он берет на себя эту функцию—ради удобства населения, которому он при всем разнообразии наречий, в достаточной мере доступен (благодаря школе и самой жизни). В странах, где население говорит на разных языках, возведение одного из них на степень государственного рассматривается как привилегия той части населения, для которой этот язык национален, и эта часть населения признается господствующей в стране. Это—остаток или пережиток старых порядков, основанных на неравенстве, на привилегиях и ограничениях, исторически установившихся. При демократическом строе эти отжившие порядки подлежат упразднению.

С государственным языком не должно быть связано никаких прав и преимуществ для той части населения, которой он принадлежит в качестве национального. Возложение на тот или другой язык обязанности играть роль государственного есть вопрос фактического удобства, и эта роль в странах разноязычных приличествует тому из национальных языков, который наиболее распространен и издавна стал „общим",—органом общения и культурного объединения народностей, населяющих страну. Возможно раздвоение государственной роли между двумя-тремя языками. Это один из тех вопросов государственного упорядочения, которые у высококультурных народов решаются соглашением, „по хорошему", не вызывая ненужных национальных споров. Так, в Швейцарии нет и помина никакого соперничества на этой почве между языками немецким и французским, а во Франции—между северным французским, которого господство в национальной жизни и культуре есть исторический факт, не подлежащий ни спору, ни протесту, и южным, провансальским, который такого значения не имеет, а потому и не претендует на роль государственного. У нас на Украине возможно в будущем разделение государственной функции между двумя языками — общерусским и украинским, как, например, в Грузии—между русским и грузинским. Говоря так, я мыслю будущий государственный строй России упроченным на принципе федерации или, по крайней мере, на основах широкой областной автономии.

IV

Патология национальности

Стараясь раскрыть и истолковать психологию национальности, я имел в виду ее нормальное, здоровое состояние; теперь перехожу к анализу ее уклонений от нормы, ее патологии.

Я стремился показать, что в состав национальной психики не входят элементы чувства. Но вместе с тем я указал, что национальность может быть объектом чувства. И вот именно в этом направлении и следует искать источника ее заболеваний.

Психологи утверждают, что в огромном большинстве случаев, если не всегда, чувства ассоциируются с представлениями, понятиями, идеями. Я лично согласен думать, что существует разряд чувств, не ассоциированных с этими элементами мысли,—чувств, так сказать, „беспредметных".

В психологии национальности можно отметить влияние чувств того и другого порядка: 1) с представлением или понятием национальности, или же с идеями, к ней относящимися, ассоциируются известные чувства, которые так или иначе влияют на нее; 2) национальное само-

сознание осложняется национальным самочувствием, которое принадлежит тому порядку эмоциональных явлений, который я подвожу под понятие неассоциированных, „беспредметных“ чувств.

Начнем с вопроса о влиянии чувств ассоциированных, „предметных“. Они, в большинстве случаев, возникают на почве национального самосознания. При нормальных условиях, когда национальность не подвергается никаким нападкам и стеснениям, национальное самосознание характеризуется правильностью, спокойствием и умеренностью своего психологического проявления, не осложняясь вмешательством чувств. При таких условиях нет почвы для шовинизма, для национального тщеславия, и даже „законная“ национальная гордость проявляется редко и, так сказать, в „невинных“ формах. Но когда национальность подвергается разного рода стеснениям и угрозам, например, в форме гонений, направленных на язык, литературу, на общественные функции национальной речи (как это было при старом режиме у нас—на Украине и в Польше),—национальное самосознание омрачается специфическими, очень тяжелыми чувствами национального оскорбления, обиды и тягостного ощущения насилия, направленного не только на идеи, на продукты национальной мысли, но и на самый „механизм“ национальной психики. Тогда, по необходимости, представление или идея „своей национальности“ осложняется чувствами повышенной, разгоряченной любви к ней, к своему национальному языку с одной стороны и чувствами злобы и

ненависти к гонителям и насильникам—с другой. Возникает и упрочивается крепкая ассоциация этих чувств с представлением „своей национальности", своего языка,—и на этой нездоровой почве развивается националистическая идеология с всегда сопутствующими ей повышенными настроениями и страстями шовинистического характера. Нередко такая идеология принимает форму так называемого „психологического комплекса", т. е. сплоченной и обособленной группы идей и чувств, образующих в душевной экономии человека нечто аналогичное опухолям и нарывам в теле. Такой комплекс, становясь навязчивым и властным, превращает человека в „мономана" и фанатика. Раз это случилось, перед нами картина болезни национальной психики. Этиология этой болезни: гнет, насилие, оскорбление национальной личности человека. Оттуда ясно, с чего должно начаться лечение болезни: прежде всего нужно устранить ее причину—снять цепи, упразднить все запреты, прекратить оскорбления. Но с устранением причины, сама болезнь еще не прекращается: психологический недуг националистической идеологии остается и даже по законам контраста и уподобления причине вызванный недуг выражается в исключительно острых и бурных проявлениях. По контрасту с прежним гнетом, чувство свободы превратится в соблазн своеволия и „психического разгула,"—национальная приниженность переходит в национальное высокомерие, национализм и шовинизм доходят до крайних пределов, способных омрачить рассудок. И чем больше был

гнет, и чем дальше он продолжался, тем, по контрасту, сильнее будет размах националистических страстей. Давно сдерживаемое затаенное, в эпоху гнета, чувство негодования вырвется теперь наружу и заглушит другие чувства, вызванные свободой, например чувства радости, торжества и т. п. На этой почве вступит в силу закон психического уподобления следствия причине: освобожденная национальность от униженности перейдет к горделивому самоутверждению, граничащему с насилием над другими национальностями, „свое" национальное право осложнится отрицанием чужих национальных прав. Недуг уподобится своей причине. Если дальнейший ход будет зависеть от условий, среди которых придется на свободе функционировать национальной психике, если условия будут благоприятны для ее нормального развития, — ее оздоровление не замедлит наступить в свой черед, когда всеисцеляющее время залечит старые раны, когда ассоциация идеи национальности с разными чувствами распадется, когда „националистический комплекс" „рассосется"...

Встречаются и другие болезни национальной психики, из которых одна подводится под понятие ее атрофии, а другая—под понятие ее гипертрофии.

Представим себе более или менее замкнутую социальную среду (например, сословие, касту, секту), где специфические групповые признаки (классовые, сословные, кастовые, сектантские) получили чрезмерное развитие: под их давлением национальные признаки данной среды

могут оказаться в большей или меньшей мере атрофированными, в особенности в тех случаях, когда национальная умственная культура не получает в этой среде достаточного распространения. Яркий пример—слабость национальной психики в крестьянской массе, где классовые (профессиональные) черты чрезмерно развиты („власть земли"), и где просвещение ничтожно. Повсюду (у всех народов), на известной степени социального развития, в крестьянской среде характерный классовый тип крестьянина, мужика, преобладает над типом национальным. Лишь постепенно, с подъемом культуры, с распространением просвещения, по мере того, как „власть земли" идет на убыль и классовые признаки теряют свою силу,— черты национальной психики выходят из состояния инерции или атрофии и начинают проявляться с некоторою отчетливостью. Другой пример—замкнутая среда господствующего класса, например средневековая феодальная, или наша помещичья в былое время при крепостном праве: здесь человек прежде всего феодал, рыцарь, помещик-дворянин, а потом уже француз, немец, русский и т. д., опять-таки преимущественно при условии слабого развития просвещения, при незначительности национальной умственной культуры. Вообще можно установить, как правило, положение, гласящее, что гипертрофия социальных (групповых) признаков ведет, при известных условиях к атрофии национальных черт. На этой почве возникают разные формы денационализации, сводящейся к тому, что че-

ловек, которого своя национальная психика атрофирована, не приобретает чужой и остается без определенной национальной „физиономии“,—он обезличивается, а это приводит к известной дезорганизации всей психики, в особенности же к ослаблению интеллектуальной, а может быть и моральной силы личности. Так это было у нас, в XVIII-м столетии, в великосветской среде, где усвоение французской духовной культуры было зачастую слишком поверхностным, а своей, русской совсем не было, и в результате выходили какие-то национальные выродки, лишенные интеллектуальной и моральной устойчивости. Что денационализация ослабляет умственную силу личности, в этом сомневаться нельзя. Не столь очевидна причинная связь между денационализацией и моральным упадком личности. Но она представляется нам весьма вероятною, если примем, что существует психологическая связь между разумом и моралью, и что умственные силы личности могут развиваться и упрочиваться только на основах национальной психики.

Атрофии национальности мы противупоставляем ее гипертрофию. Последняя возникает—как болезнетворный процесс, нередко сопутствующий развитию высокой национальной культуры, при особых условиях (например, политических), вызывающих повышенное национальное самочувствие. Как чрезмерная физическая сила и законченная красота тела могут вызвать повышенное телесное самочувствие человека, способное вредно отразиться на его психике, так и чрезмерное напряжение функций нацио-

нальной психики и слишком яркое проявление национального „я“ могут вызвать повышенное и устойчивое национальное самочувствие, откуда недалеко до национальной исключительности, до национального тщеславия и шовинизма. Патологическая сущность процесса сводится к анормальному развитию национального самосознания, выражающемуся в том, что бессознательно пружины национальной психики начинают отражаться в сфере сознания, вопреки норме, и в силу этого возникает национальное самолюбование, осложняющееся презрением к другим национальностям. Без всякого сомненья, это—уже болезнь, способная нарушить душевное равновесие человека, это род психической самоотравы, вредно отражающейся на нравственном укладе личности. Примеры достаточно известны из истории цивилизованных народов...

СОДЕРЖАНИЕ

I. Состав национальной психики 3
II. Национальность и подсознательные процессы психики 20
III. Принципы национальной политики и национальные языки 25
IV. Патология национальности 32